

Рашель. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bulgakovmikhail.ru/> приятного чтения!

Рашель. Михаил Афанасьевич Булгаков
Либретто оперы по Мопассану.
Москва, 1938–1939

Действующие лица:
Граф фон Фарльсберг, командир прусского кирасирского полка.

Барон фон Кельвейнгштейн. Отто фон Гросслинг. Фриц Шейнаубург. Маркиз фон Эйрик («фифи») Офицеры кирасирского полка.

Ледевуар, унтер-офицер кирасирского полка.

Шантавуан, кюре.

Пономарь.

Госпожа Телье.

Памела.

Блондина.

Аманда.

Ева.

Рашель.

Люсьен, студент.

Гость.

Кирасирские солдаты, гости в доме Телье, женщины.

Действие происходит во Франции, в самых первых числах марта 1871 года.

Картина первая

День. За окнами хлещет дождь. Зал в замке д'Ювиль, покинутом его владельцами и занятом пруссаками. Музейная роскошь, но всюду умышленная порча и разрушение. У портретов прорезаны дыры на месте ртов, в них вставлены фарфоровые трубки. У женщин на портретах пририсованы углем усы. Разрубленные гобелены, простреленные окна.

Роскошно накрытый стол для завтрака. В камине огонь. Фарльсберг сидит, положив ноги на каминную доску, читает корреспонденцию,

Стук в дверь. Входит Ледевуар с конвертом.

Ледевуар. Господин командир полка, вам срочная депеша.

Фарльсберг (прочитав депешу). Унтер-офицер, кричите – ура!

Ледевуар. Ура! Ура! Ура!

Фарльсберг. Ступайте, а ко мне пришлите трубача!

Ледевуар уходит.

Рашель. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
победа! Мир! Победа! Мир!

Господь Германию благословляет!

Сам император армию благодарит!

Германские войска в Париж вступают!

Париж, ты – наш! Париж, ты – наш!

Пусть побежденный враг трепещет,

Кляня в отчаяньи судьбу.

В Париже наши сабли блещут,

Враг слышит прусскую трубу!

В Париж сейчас идут гусары,

Дрожит под конницей земля,

Молчат в смятении бульвары

и Елисейские Поля!

Париж, ты – наш, ты побежден!

Замри в волнении, без гласа,

О, побежденная земля!

Ты видишь прусские кирасы

и на вальтрапах вензеля!

Там валом валят легионы,

и небо колют их штыки.

Ведут бесстрашные тевтоны

в Париж пехотные полки!

О, город-светоч! О, Париж!

Теперь ты жалок, ты молчишь!

Тебя сковал безумный страх,

ты пред тевтоном лег во прах!

За окнами послышался кавалерийский марш.

Фарльсберг распахивает окно.

Здорово, кирасиры!

Хор за окном: Здравие желаем, господин командир!

Марш удаляется, Фарльсберг закрывает окно.

Входит Трубач, вытягивается перед Фарльсбергом, тот жестом показывает ему, что нужно стать возле стола. Трубач становится. Входит Ледевуар.

Рашель. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Ледеуар. На завтрак к вам явились адъютанты.

Фарльсберг. Проси.

Входят Кельвейнгштейн, Гросслинг, Шейнаубург и Эйрик – в мокрых плащах, в забрызганных грязью ботфортах.

Кельвейнгштейн. Имеем честь явиться, граф.

Фарльсберг. Я рад вас видеть, господа.

Офицеры снимают плащи.

Сейчас депеша поступила,

Армия в Париж вступает,

Наш император заключает мир!

(Кельвейнгштейну): Прочесть депешу в эскадронах! (Трубачу): Труби!

Трубач трубит.

Да здравствуют непобедимые германские войска!

Офицеры. Да здравствует Германия!

Фарльсберг. Здоровье императора!

Офицеры. Вильгельм! Вильгельм! Вильгельм!

Фарльсберг (Трубачу.) Ступай!

Трубач уходит.

Гросслинг.

Как счастливы гусарские полки,

Они сейчас идут в столицу!

Шейнаубург.

А мы здесь умираем от тоски!

Доколе нам в Нормандии томиться?

Эйрик.

Здесь скука сердце ранит,

Дождь целый месяц барабанит,

Повсюду только грязь и лужи,

И с каждым днем погода хуже.

Все ставни жалобно скрипят.

Рашель. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
В окно противно бросить взгляд!

И в сердце скука, как игла!

Туман и водяная мгла...

Какая скверная пора!

О, гнусная нормандская дыра!

Фи дон! Фи дон!

Фарльсберг. А как прикажете быть мне? Велеть убрать все облака на небосклоне?

Эйрик.

Я этот замок презираю,

Я в нем от сплина умираю...

Фи дон! Фи дон!

Фарльсберг. Опять фи-фи! Вы все слышали? Недаром вас в полку прозвали фифи, фифи, мамзель фифи!

Кельвейнгштейн. Фифи! Фифи! Мамзель фифи!

Эйрик. Фи дон!

Кельвейнгштейн.

Она грустит, она одна!

Мамзель фифи, глоток вина!

Эйрик. Я осушу бокал до дна!

Фарльсберг. Фифи скучает, ах, беда!

Эйрик. Здоровье ваше, господа!

Все вместе. Фи-фи! Фи дон! Фи-фи!

Эйрик. Глоток, и вдребезги бокал! (Разбивает бокал.)

Фарльсберг. Ну, что ж, теперь вам легче стало? Эй, вестовые, новые бокалы!

Вестовые подают новый сервис,

Эйрик.

Ах, эта дама на стене,

Как надоела она мне!

Ее хочу я ослепить!

Фарльсберг. Я вас готов развеселить, что ж, ослепите!

Эйрик стреляет два раза из револьвера и пробивает глаза портрету.

Офицеры. Ах, браво, браво, выстрел меткий! Она ослепла! Браво, детка! Фифи, фифи, мамзель фифи! Браво, браво, браво! Стрелку фифи и честь и слава!

Эйрик.

Нет-нет, не кончена расправа!
Коль кирасир ты боевой,
Будь первым и в стрельбе и в рубке!
Эй, ты, французская голубка,
Прощайся с бедной головой!

Вынимает палаш, отрубает Венере голову.

Гросслинг, Шейнаубург, Эйрик. Она мертва, она мертва! За упокой ее души! (Пьют.)

Эйрик.

Но что всего сильнее бесит,
Повсюду гробовая тишина.
Колокола молчат окрест!
Проклятые французы!
Они молчат нарочно,
В молчаньи этом их протест!
Шейнаубург. Граф, это совершенно верно!

Эйрик.

Упрямство их пора сломить.
Граф, прикажите им звонить!
Офицеры.
Пора развеять скуки сон!
Один дин-дон! Один дин-дон!
Кельвейнгштейн. Что делать в этакой норе?
Фарльсберг. Эй, вестовые, пригласить ко мне кюре!
Офицеры.

Нас развлечет звон колокольный,
Он оживит кружок застольный.
Лишь он прогонит скуки сон!
Один дин-дон! Один дин-дон!

Входит Шантавуан.

Фарльсберг. Почтеннейший кюре, прошу садиться. Я пригласил вас, чтоб спросить – зачем нет звона в вашей церкви? Скучает кирасирский полк.

Шантавуан. Бог поразил мое отечество войной, войною тяжелой и кровавой. И многие

Рашель. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
из наших прихожан убиты, другие без вести пропали, родные их все в трауре. Живем
в страдании и печали. Наш колокол умолк.

Фарльсберг.

Да, это грустно!

Но, может быть, велите вы

Хоть раз ударить в колокол,

Чтобы рассеять гнет могильной тишины?

Шантавуан. Не властен это сделать, граф. Мой пономарь, он человек упорный, по
сыну носит траур он. Я знаю, он откажется звонить.

Фарльсберг.

Печально! Но, может быть,

Вы нам ключи дадите?

На колокольню мы пошлем солдат,

Пусть колокол немного нас повеселит.

Шантавуан. Простите, граф! На колокольню вход забит, пустить туда чужих я не
могу. Мне прихожане скажут, что без нужды я в церковь вход открыл врагу.

Эйрик (как бы про себя).

Я знал кюре в другом селении,

Он был упрям и злонамерен,

В один прекрасный день он был расстрелян

Перед церковною стеной.

Фарльсберг. Маркиз фон Эйрик, извольте замолчать!

Шантавуан (Эйрику). Был расстрелян? Не знаю я, какое преступление он совершил
против отчизны. Но если он виновен, я уверен, что бог его рассудит в иной,
нездешней жизни. И здесь пусть будет скорый суд прославлен! И если я виновен, я
чашу осушу до дна. Виновен? Пусть, как это изваяние, я буду обезглавлен
(указывает на обезглавленную Венеру), хоть и не знаю, в чем его вина! Но волю
прихожан я не нарушу и не пойду я против совести моей. Так делал я всегда, свою
спасая душу, и буду поступать так до последних дней. Мне душу жаль, но мне не
жаль дряхлеющего тела. Маркиз, я не боюсь расстрела!

Фарльсберг. Кюре, маркиз шутил, и очень неудачно!

Кельвейнгштейн. Да, неудачно, и сам он это видит.

Гросслинг, Шейнаубург. Обидел вас он шуткой мрачной.

Эйрик (в сторону). Я не шутил, кюре нас ненавидит!

Шантавуан. Я не в претензии, о, нет! Но если вы дадите повеление на колокольню
силою войти, мы не окажем вам сопротивления. Вам безоружные не станут на пути.

Фарльсберг.

Кюре, задели вас неволью.

Не будем поднимать вопрос больной.

Никто к вам не пойдет на колокольню,

Живите мирно за своей стеной!

Мое почтение!

Шантавуан. А вам мое благословенье. (Эйрику.) А вам, маркиз, особенно желаю, пусть небо вас хранит на жизненной дороге! (Уходит.)

Фарльсберг (Эйрику). Лейтенант, я накажу вас строго, я не позволю страсти разжигать!

Эйрик. Своих врагов я ненавижу!

Фарльсберг. Я сам аббата не люблю, но смысла в спорах с ним не вижу.

Эйрик. Слушаю, господин командир полка! Один дин-дон... один дин-дон...

Шейнаубург. Один дин-дон!..

Кельвейнгштейн.

Позвольте, господа!

Меня вдруг охватило вдохновение.

Блестящая идея!

Гросслинг. Идея? Говорите, мы – в волнении!

Эйрик. Обрадуйте, барон, нас поскорее!

Кельвейнгштейн. Прогнать нам надо скуку прочь. И вот вам мой проект – веселый и приличный: пошлем за дамами в Руан, там славный дом публичный. И будем пировать всю ночь!

Эйрик. Великая идея!

Гросслинг, Шейнаубург. Один дин-дон! Один дин-дон!

Фарльсберг.

Да вы затейник, мой барон!

Вы опьянели от французской водки?

Представьте, в замке – штаб полка.

А в нем – кокотки!

Шейнаубург. О, граф, мы молим – разрешите!

Гросслинг. О, граф! О, граф! Ну, прикажите!

Эйрик. Мы можем пировать всю ночь!

Фарльсберг.

И слушать не хочу – подите прочь.

Привести в штаб полка жриц любви?

Что же вы, в самом деле, взбесились?

Офицеры. Господин командир! Господин командир!

Кельвейнгштейн. Уверяю, все будет прилично!

Офицеры.

Озарится огнем опостылевший зал,

Мы поднимем с шампанским бокал,

Мы разгоним печальный туман!

Господин командир, разрешите!

Фарльсберг. Ну, довольно, я спорить устал, разрешаю.

Офицеры. Да здравствует наш командир, друг младших офицеров! Да здравствует блестящий пир, веселие без меры!

Кельвейнгштейн. Эй, вахмистра ко мне!

Входит Ледеуар.

Вы возьмете здесь крытый фургон

И отправитесь срочно в Руан,

В дом публичный Телье.

Пусть хозяйка пошлет

К нам на ужин сюда пять девиц,

Но сказать – наилучших!

Ледеуар. Точно так, понимаю!

Кельвейнгштейн.

И скажите хозяйке,

Что я шлю ей привет

И от сердца всего обнимаю!

Ну, ступайте! Марш! Марш!

Ледеуар уходит.

Дин-дон!

Офицеры. Ура! Дин-дон! Ура!

Поднимем выше кубки!

За женские веселые глаза,

За пухленькие губки!

Фарльсберг. Фи-дон! Стыдитесь, кирасиры! Ну, так и ждешь, что вы начнете кувыркаться!

Офицеры.

Подать парадные мундиры!

Эй, вестовые, одеваться!

Занавес

Картина вторая

Ночь. Зал в веселом доме госпожи Телье. В углу маленький оркестр. За буфетной стойкой – Телье. Женщины и гости пляшут канкан.

Женщины и гости.

Гром и грохот, вой, движенье...

Не забил ли вдруг вулкан?

Нет, то грянул в бальном зале

Оглушительный канкан!

С первым звуком фортепиано

Кровь у каждого кипит!

И я мчусь с девчонкой пьяной,

Как сорвавшийся с цепи!

Телье.

Антуан, скорее пива,

Надо быстро подавать!

(Гостю.)

Ваша дама не спесива,

Вам не следует зевать!

Женщины и гости.

Ручки, ножки, глазки, плечи...

Укажите, где изъян?

Ваши глазки искры мечут,

Зажигает их канкан!

Телье.

Даже мой покойник милый

Прерывает смертный сон,

Если рявкнет над могилой

Позолоченный тромбон!

Женщины и гости.

Всяк прервет свои объятья,

Как бы ни был он влюблен,

Если грянет вдруг в гостиной

Рашель. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Оглушительный тромбон!

Ах, у дамы ножки стройны
И на диво гибкий стан!
Все мы страстно любим знойный,
Упоительный канкан!

Танец кончается, гости и женщины расходятся, у стойки остается только один гость
с одной женщиной.

Гость.

Шартрезу рюмочку, мадам!
Хочу я угостить красотку,
Не пить же ей простую водку,
А деньги я в четверг отдам. Телье.
Э, нет, мой сударь, без затей!
Мой дом весьма приличен,
И угощаю я гостей,
Но только за расчет наличный.

Гость.

Я пошутил, мадам Телье.
Люблю я точную расплату.
Красотка, пей! Мадам Телье,
У вас сегодня скучновато!
Телье.
Что делать, сударь, все они,
Проклятые пруссаки!
Живем мы худо в эти дни,
Скучают женщины-бедняжки!
Бывали грустные года,
Но этот год был самый тяжкий!

Гость.

Мадам Телье, вы – патриотка!
Вы правы! Дайте рюмку водки!
Телье.

Прошу вас, сударь, не шутить
Над тем, что дорого и свято!

В зал входит Люсьен – он в потертom солдатском мундире. Лишь только оркестр увидел Люсьена, заиграл веселое.

Люсьен. Не надо... Замолчите!

Телье. Эге... Да, это он, студент влюбленный... Дай бог поменьше нам таких гостей! (Люсьену.) Я рада, сударь, видеть вас! А мы уж думали, что вас убили!

Люсьен. Скажите мне, Рашель по-прежнему у вас?

Телье. Конечно, сударь! Зачем же уходить оттуда, где хорошо? А вы, я вижу, как прежде, страстно влюблены, вы исхудали, превратились в тень! Я успокою вас – Рашель жива, Рашель здорова, Рашель горит, как майский день!

Люсьен. Прошу вас, позовите ее сюда!

Телье. Охотно, сударь. Но прошу, не задержите... (Протягивает ладонь, Люсьен дает Телье монету. Та обращается к лакею.) Попроси сюда Рашель.

Рашель входит в зал.

Рашель. Ужели ты? Ты, Люсьен?

Люсьен. Да, это я.

Рашель. Ты вернулся? А я уж думала, что ты убит иль в плен попал. Ты возвратился!.. Ты вернулся!.. Я очень рада, очень рада! Но как ты страшно изменился!

Люсьен. Я ранен был, Рашель. Но, впрочем, это все пустое. Я счастлив тем уж, что я жив, что я вернулся в город свой родной... Я счастлив тем, что вновь стою перед тобой!

Рашель. Ты, значит, не забыл меня?

Люсьен. Забыть тебя? О, нет! Я не забыл тебя и, видно, никогда уж не забуду. Да, такова моя судьба! Рашель, Рашель! Я возвратился, чтобы говорить с тобой серьезно, чтоб говорить в последний раз. Рашель! Ты знаешь, я люблю тебя! Люблю безмерно, крепко, нежно, люблю навеки, безнадежно! Мечты моей живое воплощенье, ты – мой соблазн, мое блаженство и мученье! Рашель, Рашель, ведь это ты!

Рашель. Мой бедный мальчик, мой Люсьен, здесь засмеются над тобой, когда узнают, о чем ты шепчешь женщине продажной в вертепе грязном в час ночной!

Люсьен. Мне смех не страшен, я их презираю, Рашель! Я за тобой пришел! Я умоляю, покинь навеки дом разврата, пойдй со мной дорогою иной. Рашель! Уйди отсюда, стань моей женой!

Рашель. От слов твоих моя душа в мученьи стонет. Куда тебя твоё мечтанье гонит? Ты обезумел, мой Люсьен!

Люсьен. Безумен я? О, нет, о, нет! Люблю тебя и в этом лишь мое безумье! Зову тебя! Покинь скорей свой путь опасный, идем со мной дорогою иной. Погибнешь ты, в разврате жизнь твоя угаснет! Скажи мне – да! Скажи мне – да!

Рашель. Нет, ни за что и никогда!

Люсьен. Несчастливая! Зачем ты юность свою губишь? Зачем глуха к моим словам? Так, значит, ты меня не любишь...

Рашель. К несчастью, я люблю тебя.

Люсьен. Одно, одно лишь слово молви, и будем счастливы навек!

Рашель. Нет, я боюсь! Не дам тебе связать свою судьбу с судьбою женщины продажной! Ты за спиной услышишь шепот, услышишь злобный грязный смех. Такой, как я, возврата к жизни нету! Пойти с тобою – это трех! Настанет срок, ужасный срок, когда, не выдержав мучений, в порыве злобы, раздражения, ты кинешь мне в лицо язвительный упрек. Ты попрекнешь меня ужасным, позорным прошлым ремеслом! Нет, нет, Люсьен, мой мальчик нежный, я не войду, я не войду в твой дом!

Люсьен. Клянуся всем, что в мире свято, ты не услышишь этих слов!

Рашель. Нет, нет, не мучь меня, не мучь себя!

Люсьен. Люблю тебя, Рашель!

Рашель. И я люблю тебя!

Телье. Слов нет, приятно толковать с подругой милой, но я должна вас, к сожалению, прервать. Мой сударь, время истекло, Рашель пора идти к гостям.

Люсьен. Нет, этой ночью она к гостям уж не пойдет!

Телье. Что ж, сударь, это очень просто. Один лишь золотой, и до утра красotka ваша. Поверьте, к ней не подойдет другой.

Люсьен. Прошу вас, подождите, я скоро деньги принесу...

Телье. Час подожду, не задержите.

Люсьен (уходя, Рашели). Жди меня!

Телье (Рашели). А ты глупа, моя бедняжка. А, впрочем, в молодости кто не глуп!

Рашель уходит. В зал входит Ледевуар. Лишь только оркестр его увидел, заиграл веселенькое, но на Ледевуара это не производит никакого впечатления, и оркестр умолкает.

Мое почтенье, господин военный!

Ледевуар. Я из замка д'Ювиль. Послан к вам полковым адъютантом, бароном фон Кельвейнгштейн. Он просит вас прислать на ужин пять хорошеньких девчонок.

Телье. Какая честь! Я знаю хорошо барона, очаровательный мужчина! Присядьте, унтер-офицер. Угодно рюмочку шартреза?

Ледевуар. Мерси.

Телье. Эй, деточки! Сюда скорей, мои красотки!

Выходят женщины.

Вот, деточки, какой сюрприз приятный. Есть приглашение на ужин в замок под Руан, в немецкий кирасирский полк. Прелестнейшие люди офицеры, все титулованы. Э, деточки, я рассержусь, вы знаете, я не люблю капризов!

Женщины. Нас изобьют потом французы, изменницами назовут!

Телье. Довольно глупостей! Не забываться! Вам захотелось на тротуар? В порту матросам продаваться? Молчать!

Молчание.

Итак, поедут пять. Поедешь ты, Памела, ты, Блондина, Аманда, Ева и Рашель! Не

Рашель. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
прячь свой носик, выходи!

Рашель. Я не поеду...

Телье. Сию минуту замолчи! Не забывай, что ты в долгу, как в клетке! Ты хочешь познакомиться с тюрьмой? Ты бойся рассердить меня, очаровательная детка!

Рашель. Пусть будет так, я не поеду. Не будьте так жестоки, ведь я дала другому слово!

Памела. Ах, вот как! Хороша подруга! Нас гонят к немцам, мы покоряемся, поедем, а она... Чем лучше нас она?

Женщины. Это нечестно! Хороша подруга!

Телье. Ты дура! Денег он не принесет.

Женщины. Любимица хозяйки! фаворитка!

Рашель. Довольно! Не смейте оскорблять меня! Я еду!

Телье. Ну, вот и славно! Люблю, когда кончают дело миром.

Ледевуар. Что я вам должен за шартрез?

Телье. О, сударь, пустяки!..

Ледевуар дает монету Телье.

Но, деточки, без шалостей, все деньги честно сдать!

Рашель. Не беспокойтесь!

Ледевуар уводит Памелу, Блондину, Аманду, Еву и Рашель. Все женщины уходят из зала. Через некоторое время торопливо входит Люсьен.

Люсьен. Вот золотой... Рашель всю эту ночь свободна!

Телье. Прошу прощенья, дорогой! Вы опоздали. Рашель уехала на ужин в гости...

Люсьен. Вы обманули меня! Это бесчестно! Что это значит? Я заплатил, она моя!

Телье. Прошу вас, сударь, не шуметь, вы не в порту, не на базаре! Эй, жак! Эй, Теодор!

Входят двое подручных Телье.

Люсьен. Куда уехала она?

Телье. Прошу вас не кричать? К пруссакам в гости, в кирасирский полк!

Люсьен. К пруссакам в гости?! Сводня!!! Я тебя зарежу!

Бросается к Телье. Теодор и Жак набрасываются на Люсьена. Выбегает встревоженный Гость со своей женщиной.

Телье. Мне дурно... В полицию его! Но только тихо, тихо! Я не хочу скандала!..

Гость, Теодор и Жак выводят Люсьена.

Играйте же, играйте, что вы замолчали? Я не хочу скандала!..

Оркестр заиграл весело.

Занавес

Москва, 22 января 1939 года.

Картина третья

Опять зал в замке д'Ювиль, Ночь. Много света. Кирасиры в нетерпении всматриваются в окна. А за окнами по-прежнему ненастье. Послышался стук подъехавшей повозки.

Гросслинг. Это они! Они!

Шейнаубург. Они, они! О, радость!

Кельвейнгштейн. Они! Они! (Подражает трубе.) Трам-та-та-там!

Входят Блондина, Памела, Аманда, Ева и Рашель.

Ну, наконец-то! Мы счастливы вас видеть, милые мои! Снимайте ваши грязные плащи.

Женщины снимают плащи.

Ну, вот, это иное дело! Ну, что ж теперь вы скажете нам, граф?

Фарльсберг. Гм... Да, черт возьми, они недурны!

Кельвейнгштейн. Они прелестны?

Шейнаубург (Гросслингу). Девчонки, правда, первый сорт!

Гросслинг. Да здравствует барон!

Шейнаубург целует Блондину.

Кельвейнгштейн. Нет, нет, не торопитесь! Все нужно делать по ранжиру. (Шутливо). Эй, по росту строиться прошу!

Женщины (шутливо). Слушаем, господин офицер!

Кельвейнгштейн (Памеле). Как звать тебя, очаровательная дама?

Памела. Меня зовут Памела.

Кельвейнгштейн. Памела, номер первый, командиру.

Фарльсберг. Я очень рад.

Памела. Ах, боже мой, какая борода!

Кельвейнгштейн. А ты, красоточка, ко мне сюда! Как имя?

Блондина. Я – Блондина.

Рашель. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Кельвейнгштейн. Целуй меня! А ты?

Аманда. Меня зовут Аманда.

Кельвейнгштейн. Аманда – лейтенанту Отто! Ты счастлива, прелестная вострушка! Уверен, что лейтенант понравится тебе!

Аманда. Он очень мил!

Кельвейнгштейн. Как звать тебя?

Ева. Я называюсь Евой.

Кельвейнгштейн (Шейнаубургу). Вам достается Ева! И наконец, последняя... Смугляночка, как имя?

Рашель. Рашель.

Кельвейнгштейн. Маркизу Эйрику Рашель! Его зовут мамзель фифи. Всмотритесь, Рашель, в его глаза. Как небо ясное, они лазурны. Но все же ты остерегись его. Он тих на вид, но темперамент бурный!

Эйрик.

Иди, красоточка, ко мне!

Я расцелую алый ротик.

Утопим горе мы в вине,

Иди, не бойся, черный котик!

Целует Рашель, пускает ей в рот сигарный дым.

Рашель. Ах!.. Что вы... Я задыхаюсь, я дыму не переношу...

Эйрик. Ну, ну, не дуйся, это шутка!

Кельвейнгштейн. Там-там-там! К столу прошу! Нас ждет приятный ужин! (Вестовому). Ступай, ты больше нам не нужен.

Фарльсберг.

Да, ваша мысль, майор, блестяща!

Теперь я вижу это сам.

Да, это пир, пир настоящий!

Пью за здоровье наших дам!

Шейнаубург. За дам, за дам, за наших дам!

Кельвейнгштейн. Еще бокал, еще! Пей смело, моя крошка! Да, не промокли ль твои ножки?

Блондина. Ах, вы шалун! Прочь руки, прочь.

Кельвейнгштейн. Ну что ж, я буду терпелив, ведь впереди у нас вся ночь, ночь наслажденья с чудной девой!

Гросслинг. Я за Аманду пью!

Шейнаубург. А я за Еву!

Рашель. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Все вместе. Мы пьем за дам, за наших дам!

Фарльсберг. А ты бы спела нам что-нибудь, прекрасная Памела!

Памела. Я все забыла, я давно уже не пела. А вот Рашель у нас поет.

Аманда, Ева. Она поет прекрасно!

Эйрик. Ах, так скорей сюда! Сюда ее, на стол! (Гросслингу). Лейтенант, садитесь к фортепиано! Красотка, не стесняйся!

Рашель. Я не стесняюсь, я привыкла...

Призналась бабушка однажды,

Качая головой седой:

«Томилась я любовной жаждой,

Когда была я молодой!

Ах, промчались времена!

Где ты, буйная весна?

Где вы, звезды яркие?

Поцелуи жаркие?»

«Бабуся, что вы говорите?

Вы, значит, не были святой?»

«Тсс... внучки, только вы молчите,

чтоб не подслушал кто чужой!».

Ах, промчались времена!

Где ты, буйная весна?

Где вы, звезды яркие?

Поцелуи жаркие?

Семнадцать лет мне ровно было,

я миг тот помню до сих пор,

когда на первое свиданье

ко мне явился мой Линдор!

Шейнаубург, Гросслинг.

Ах, промчались времена!

Где ты, буйная весна?

Где вы, звезды яркие?

Поцелуи жаркие?

Рашель.

Мне не забыть очей Линдора,

Рашель. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Мне не забыть его манер!

Но, детки, очень, очень скоро

Его сменил другой – Валер..

Все вместе.

Ах, умчались времена!

Где ты, буйная весна?

Где вы, звезды яркие?

Поцелуи жаркие?

Рашель.

«Ах, бабушка, что ты сказала?

Ужель любила ты двоих?!»

«Эх, детки, то ль еще бывало!..»

Эх, детки милые мои!..»

Все вместе.

Ах, умчались времена!

Где ты, буйная весна?

Где вы, звезды яркие?

Поцелуи жаркие?

Рашель.

Но вот я деда повстречала,

Надела платьице к лицу.

Его недолго обольщала

И привела его к венцу...

Все вместе.

Ах, умчались времена!

Где ты, буйная весна?

Где вы, звезды яркие?

Поцелуи жаркие?

Рашель.

«Но деду вы не изменяли?

Вы были скромною женой?»

«Конечно... Как же... выйдя замуж.

Ха-ха... я сделалась иной!..»

Все вместе.

Рашель. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Ах, умчались времена!

Где ты, буйная весна?

Где вы, звезды яркие?

Поцелуи жаркие?

Рашель.

Эх, внучки, внучки дорогие,

Наивны вы, как погляжу...

О том, что было в нашем браке,

я сатане не расскажу!..

Все вместе.

Ах, умчались времена!

Где ты, буйная весна?

Где вы, звезды яркие?

Поцелуи жаркие?

Гросслинг, Шейнаубург. Bravo, bravo!

Эйрик. Да ты – артистка! Bravo, bravo!

Все вместе. Да у нее большой талант!

Эйрик. Иди ко мне, моя смуглянка, ты разбудила жар в крови! Иди ко мне скорее, жрица продажной легонькой любви! (Целует Рашель.)

Рашель. Отпусти меня, мне больно, ты груб, жесток, и я тебя боюсь!

Эйрик. Ну, пустяки, это невольно! Дай в губки алые вопьюсь!

Рашель. Что это, кровь? Я поцелуи продаю, но ты не смеешь меня мучить! Смотри, когда-нибудь тебе придется поплатиться!

Эйрик. Ну, что же, я охотно заплачу! (Высыпает из кошелька на голову Рашели золотые монеты.)

Блондина. Он мучает Рашель!

Кельвейнгштейн. Вздор! Он просто слишком страстен, как каждый храбрый офицер! За офицеров!

Аманда, Ева. За офицеров!

Гросслинг. Нет, громче тост! Полней бокалы! Да здравствует победа! Мы Францию разбили!

Эйрик. Долой французов! Они все трусы!

Рашель. Мне приходилось знать французов, при которых ты этих слов не произнес бы!

Эйрик. Ах, вот как! Вот с этим палашом в руках всю Францию прошел я, таких французов я не встретил.

Лишь только германские рати

Пришли от восточных границ,

Французы пред ними бежали

И в ужасе падали ниц.

Германец наносит смертельный удар.

Вспомни, красоточка, Мец и Седан!

Все наше теперь, и леса и поля,

Французские жирные пашни,

Все наше! Вода и земля

И островерхие башни!

С германцем в боях

Не уйти от судьбы!

Мы вами владеем,

Вы – наши рабы!

Рашель. Замолчи! Замолчи! Не смей над побежденною странюю издеваться! Вы нас разбили, но наши братья защищались и за Седан своею кровью заплатили!

Эйрик. Нет, ты замолчи! Ты – рабыня моя! Все женщины Франции – рабыни!

Рашель. Несчастный! Ты лжешь! Никогда, никогда не будут рабынями женщины наши!

Эйрик. Не будут? Да это смешно! А как же ты здесь оказалась?

Рашель. Я?.. Я?.. Ты ошибаешься, мой кирасир, я не женщина, нет, я проститутка. Мое дело – за деньги любить, меня всякий на улице может купить. Но тебя хорошо я узнала теперь: бесплатно никто тебя не полюбит! Так пусть хоть продажная девка тебя приголубит, тупой, омерзительный зверь!

Эйрик. Что ты сказала? Ах, дрянь! (Ударяет Рашель по лицу.)

Памела, Блондина, Аманда, Ева. Граф, заступитесь! Он женщину бьет! За что же нас обижать, ведь мы беззащитны.

Фарльсберг. Маркиз!

Гросслинг, Шейнаубург. Она оскорбила его!

Рашель. Я вижу теперь, ты действительно храбр, непобедимый германец! Ну, что же, ударь еще раз... Ну, ударь!

Эйрик (замахиваясь). Вот тебе, тварь!

Рашель (ударяет Эйрика в горло десертным ножом). От женщин французских тебе мой привет!

Эйрик. А... (Ловит воздух руками, падает и затихает.)

И кирасиры и женщины застывают в оцепенении.

Рашель бросается к окну, выбивает стекло и выскакивает в завесу дождя.

Памела, Блондина. О боже! О, боже!

Кельвейнштейн (стреляет из револьвера в окно). Часовой! По беглянке огонь! (За сценой ружейный выстрел.) В ружье, караул! Трубите тревогу! (Выбегает.)

Рашель. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Фарльсберг. Будь она проклята, эта затея! (Наклоняется к Эйрику.) Неужели?..

Гросслинг, Шейнаубург. Он мертв, он мертв...

Убить! Убить потаскушек поганых! Убить!

Смерь им, смерть! (Хватаются за палаши.)

Аманда, Ева. Милосердие к нам! Милосердие! О, пощадите нас, бедных девчонок! За что же нас убивать?

Блондина. Пощадите!

Памела. У меня есть ребенок!

Фарльсберг. Эй, лейтенанты, назад!.. Черти бы, черти бы взяли!..

Вбегает Кельвейнгштейн, с ним Ледеуар.

Схватили? Скажите, схватили?

Кельвейнгштейн. Нет, ускользнула во тьму!

Фарльсберг. Будите в казарме второй эскадрон! Облаву немедля, облаву! Взвод один на дорогу в Руан!.. Ведь видел же я, что он пьян!.. Награду тому, кто убийцу найдет! (Наклоняясь к Эйрику.) О, идиот!..

Кельвейнгштейн, Гросслинг, Шейнаубург, Ледеуар. Она не уйдет! Она не уйдет!

За сценой тревожно запели трубы.

Занавес

Москва, 26 января 1939 года.

Картина четвертая

Ночь в домике Шантавуана. Шантавуан в одиночестве, сидит за письменным столом и пишет. Зашумел ливень.

Шантавуан. Опять разверзлись небеса! Благословенна ночь ненастья! Лей, ливень, лей и смой всю кровь с лица земли моей несчастной! Благословенна ночь уединенья, здесь в тишине меня покинула тоска, и мысль моя значительна и голова моя легка. Ко мне нисходит вдохновенье... К рассвету проповедь закончу. (Пишет.) Гром и град и огонь на земле, и погибло, что было в полях, и вселились в сердца уныние и страх... (Два дальних ружейных выстрела.) Что это значит? В селеньи было все спокойно. Тревога? Нет, это случайно стрелял какой-нибудь солдат. (Пишет.) О, верьте, свет придет в обитель, сердца покинет вечный страх. Не бойтесь, дети, ваш хранитель стоит незримый на часах... (Стук в дверь.) Кто там? Кто там?

Рашель (за сценой). Откройте, или я погибла!

Шантавуан (открывает дверь. Вбегает Рашель, и Шантавуан отшатывается. Платье Рашели изорвано, с него бежит вода.) Что с вами, дочь моя?

Рашель. Закройте дверь!! Закройте дверь... Скорее!

Шантавуан. У вас в глазах безумие и страх. Кто гонится за вами?

Рашель. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Рашель. Смерть!.. Смерть!.. И если вы не скроете меня, она меня настигнет!

Шантавуан. Кто вы такая?

Рашель. Я убийца. Меня зовут Рашель, я проститутка из Руана и полчаса тому назад во время пира в замке убила немца-лейтенанта... маркиза Эйрика... За мною гонится облава... Во имя неба, спрячьте, спрячьте!

Шантавуан. О, боже праведный! О, боже! О, дочь греха, о, дочь разврата! Теперь погибнет тихий край. Я знаю немцев! Они жестоки и свирепы, теперь они нам станут мстить. О, горе бедным прихожанам!

Рашель. О, сжальтесь надо мной! Спасите! Вы – служитель бога!

Шантавуан. Да, верно, я служитель бога, вы ж покорились сатане! Зачем проклятая дорога вас ночью привела ко мне? Вы совершили преступление, я не могу вас прятать, нет! Здесь вас они легко найдут, вас схватят, а меня убьют! Меня за что? Зачем покину прихожан? Кто их от немцев оградит? О, злая ночь! О, роковая ночь! Бегите! Я не могу ничем помочь!

Рашель. Я ухожу навстречу смерти. Они меня повесят! И я качнуся, как язык на колокольне, ударю в медь и прокричу о том, что я одна – ничтожное, порочное создание, одна вступилась за поруганную честь моей страны! Потом затихну, и вы увидите висящий неподвижно груз, но знайте же, служитель бога, что вы, вы – не француз! (Бросается к дверям.)

Шантавуан. Остановитесь! И повторите все, что вы сказали! За что убили вы его?

Рашель. Он мне сказал, что мы теперь – рабы пруссаков, что женщины французские теперь продажные рабыни, что все французы – трусы! Когда ж я крикнула ему, что он – палач, что он клеветает, он грязною рукой меня ударил по лицу! И я ему вонзила в горло нож! Теперь он плавает в крови!

Шантавуан. И это правда?

Рашель. Правда. Прощайте.

Шантавуан. Нет, о, нет! Я вас не отпущу! (Подбегает к шкафу, отодвигает его от стены, вскрывает потайную дверь.) Вот тайный ход на колокольню, о нем никто не знает. Бегите вверх и скройтесь там! Забейтесь в угол, сидите там беззвучно, неподвижно, замрите, словно мышь!

Рашель. Нет, я за вас боюсь, они убьют вас!

Шантавуан. Бегите же, бегите скорее вверх!

Рашель скрывается. Шантавуан закрывает за нею дверь и придвигает шкаф к стене.

Ах, все это бесцельно, бесполезно, здесь все равно найдут ее. О чуде я молю тебя, о чуде, боже! Да, следы! Следы... (Затирает тряпкой следы у порога, выбрасывает тряпку. Садится к столу. Послышался стук в окно и в дверь.)

Ледеуар (за сценой). Немедленно откройте дверь!

Шантавуан открывает дверь, появляются Кельвейнгштейн, Ледеуар и взвод солдат.

Шантавуан. Что значит это, господин барон? Ужель я заслужил такое обращение? Я поражен, я поражен.

Кельвейнгштейн. Оставим церемонии, кюре! Скажите, где она?

Шантавуан. Я вас не понимаю.

Кельвейнгштейн. Смотрите, вы играете с огнем!

Шантавуан. Я вас не понимаю.

Кельвейнгштейн. Сейчас свершилось преступление: публичная девчонка убила маркиза Эйрика и убежала!

Шантавуан. Несчастный лейтенант!

Кельвейнгштейн. Ее следы ведут сюда! Она должна быть здесь, в дворе церковном!

Шантавуан. Сюда никто не прибегал.

Кельвейнгштейн. Кюре, вы правду говорите?

Шантавуан. Я никогда еще не лгал.

Кельвейнгштейн (солдатам). Ну, что же, ищите!

Ледевуар. За мною, на чердак!

Солдаты рассыпаются повсюду, открывают шкафы.

Шантавуан. Я знаю, мой протест бессилен, и все же протестую я! (Садится к столу.)

Ледевуар (входит). Все помещенья обыскали. Ее нигде нет, господин барон.

Кельвейнгштейн. Так, черт возьми, куда же она девалась?

Ледевуар. Эй, осмотреть конюшни во дворе! (Уходит с солдатами.)

Кельвейнгштейн ходит взад и вперед по комнате, нервничает. Вдруг замечает шов на обоях – кюре неплотно прикрыл дверь тайника, вздрагивает, но овладевает собою и не подает виду, что заметил.

Ледевуар (входит). В конюшне и в сараях пусто. На колокольню ход забит.

Кельвейнгштейн. Да, это чудеса! Напрасно вас мы потревожили, кюре, но, сами понимаете, долг службы. Вы можете поклясться мне, что не было ее у вас?

Шантавуан. Клянуся богом всемогущим – пусть он накажет, если лжив ответ! – клянуся богом вездесущим, – ее здесь не было и нет!

Кельвейнгштейн. Смотрите, прусские солдаты, как лжет священник нам в лицо! Кюре, вы сильно рисковали, вам надлежало б это знать! Скорее к стенке становитесь!

Шантавуан. За что?!

Кельвейнгштейн. Молчать! Чутье меня не обмануло! Эй, вахмистр, проститутка там! Эй, вскрыть тайник! А мне сюда шеренгу!

Ледевуар и двое солдат бросаются к тайнику, вскрывают его. Шесть солдат выстраиваются в шеренгу.

А вас я расстреляю, лишь только выведут ее! Платок ему, чтоб завязать глаза!

Шантавуан. Не надо.

Кельвейнгштейн. Как угодно!

Ледевуар с двумя солдатами скрывается за дверью тайника.

Взять ее живой!

За дверями тайника послышались два выстрела.

Аббат! Там никого нет, вы сказали? А это что? (Шеренге.) Раз!

За дверью тайника шаги спускающихся с лестницы.

Два!

Ледевуар (выходя с солдатами). На колокольне пусто, там никого нет.

Кельвейнгштейн. Быть не может! А кто ж стрелял?

Ледевуар. Там за оградой мелькнула темная, бегущая фигура. Бежал мужчина, я стрелял!

Кельвейнгштейн. За ним в погоню!

Ледевуар выбегает с частью солдат.

Кельвейнгштейн (шеренге). Эй, отставить! Марш!

Шеренга выходит.

Ну, что ж, я очень счастлив, что дело приняло хороший оборот. Не унывайте, мы ее разыщем! И утром завтра мы ее повесим под колокольной у ворот! До свидания! (Уходит.)

Шантавуан. Что это было?.. Я не знаю.. Я разум потерять боюсь...

На колокольне слышен шум падения тела.

Да, она там...

Бросается к входной двери и закрывает ее. Рашель появляется в дверях тайника. Она хромот.

Рашель. Кюре...

Шантавуан. Несчастливая! Не выходите!

Рашель. Мне все равно, я больше не могу висеть...

Шантавуан. Как вы спаслись?

Рашель. Я поднялась по стене, цепляясь за гвозди. Достигла перекладин, вцепилась в язык и в колоколе повисла, как мышь летучая... как мышь... Кюре, не правда ли, я мышь?.. А впрочем, все равно... (Падает на пороге тайника.)

Шантавуан подбегает к ней, потом схватывает графин с водой, мочит платок, наклоняется над Рашелью. В это время – стук в дверь. Шантавуан втаскивает Рашель в глубь тайника, закрывает ее дверью и открывает входную дверь.

Пономарь (появляется в дверях). Вы живы, мой отец? Они деревню разгромили, они соседа застрелили и все ж нигде убийцу не нашли! Она бежала!

Шантавуан. Пьер, слушайте меня... Пьер! (Манит пальцем пономаря, приоткрывает дверь тайника.) Она здесь.

Занавес

Картина пятая

Через два дня у Шантавуана в домике. Следов разгрома, произведенного Кельвейнгштейном, уже нет. Дверь тайника закрыта, но шкаф не придвинут. Утро, непогода кончилась. Солнце. В камине огонь. Шантавуан за столом.

Пономарь (входит, подает Шантавуану связку ключей). Какой-то человек приехал из Руана, вас хочет видеть, мой отец. (Впускает Люсьена и уходит.)

Люсьен. Простите мне, что я тревожу вас. Меня к вам привело простое человеческое горе.

Шантавуан. В чем ваше горе?

Люсьен. Я любил. Любовь моя была горька, любовь моя была несчастна. И вот теперь судьба меня лишает и ее. В публичном доме я встретил ту, которая моим мечтаньем стала, и страсть замучила меня! Моей заветной целью стало ее оттуда увести! Из мира гнусного порока в мир светлый, чистый, мир иной! Ужель мое мечтанье не глубоко? Ведь я хотел ее заставить стать моей женой! И вот я потерял ее!

Шантавуан. О ком вы говорите?

Люсьен. О ней, о ней, о той, что в замке совершила преступление! Я под арестом был и лишь меня освободили, я кинулся за ней сюда и здесь узнал о том, что совершилась великая и страшная беда! Кюре, скажите мне, куда она девалась?

Шантавуан. Мне жаль вас, но – увь! – теперь утешить нечем вас. Несчастное, порочное создание! Свершивши в замке злодеянье, она исчезла в тот же час. Ее судьба после убийства неизвестна.

Люсьен. Кюре, скажите, где моя невеста?

Шантавуан. Вы удивляете меня! Есть слух, что в ночь погони она здесь, в речке утонула...

Люсьен. Есть слух, кюре, есть слух... он, как огонь, под пеплом, но он есть... из уст в уста он переходит... он, как лесной огонь, по низу бродит... есть слух о том, что вы ее спасли!

Шантавуан. Покиньте этот дом!

Люсьен. За что вы гоните того, кто уж и так несчастен безнадежно?

Шантавуан. За то, что ваш рассказ есть ложь, да, ложь презренная от слова и до слова! Но то, что вы свершаете, не ново! Но, сударь мой, стыдитесь, вы молоды... А ремесло немецкого шпиона французскому солдату не к лицу!

Люсьен. Не смейте оскорблять меня! За что мне это, за что? Нет справедливости ни на небе, ни на земле! Весь мир лежит во эле!..

Вдали послышалась военная похоронная музыка и конский топот.

Рашель. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
И счастья нет, спасенья нет и нет надежды! Клянусь, что все, что я сказал здесь, правда! Я вам ее сказал и повторять не буду, я молчу! И знайте, что и мои страдания были столь безмерны, что больше жить я не хочу!

Люсьен поворачивается, чтобы уйти. Наружная дверь открывается и входит Кельвейнгштейн в походной форме, а за ним пономарь.

Шантавуан (Люсьену). Нет, подождите!

Кельвейнгштейн. Я вас прерву, кюре, но не надолго. Сейчас опустят в могилу маркиза Эйрика. Извольте приказать, чтоб в церкви зазвучал орган, затем – чтоб колокол ударил!

Шантавуан. Я вам охотно повинюсь. (Пономарю, отдавая ключ.) Скорее к органисту! И возвращайтесь, чтоб звонить.

Кельвейнгштейн. Я объявляю вам, кюре, что мир сегодня заключен. Наш полк из Франции уходит.

Шантавуан. Благословляю мир, пусть будет мир для всех.

Кельвейнгштейн. Победоносный мир! (Проходя.) Так вот он, вход в тайник, который вас едва не погубил! Как интересно!

Шантавуан (открывая дверь тайника) Угодно поглядеть?

Кельвейнгштейн. Я не просил вас открывать, кюре!

Прощайте! (Уходит.)

Вдали зазвучал орган.

Люсьен. Кюре...

Шантавуан. Погодите!

Вдали послышались залпы, а потом кавалерийский марш.

Пономарь (Входит.)

Шантавуан. Они уходят! Звоните, Пьер, звоните!

На колокольне внезапно ударил колокол.

О, как она неосторожна! Бегите, Пьер, вверх, звоните!

Пономарь убегает в тайник, а из тайника появляется Рашель.

Люсьен. О сердце, ты меня не обмануло! Рашель! Моя Рашель!

Рашель. О, мой Люсьен, я верила, я знала, что ты придешь за мной, придешь! О, как, Люсьен, я тосковала! Под колоколом вечность пролетела надо мной! О, как тебя я вспоминала! И ты пришел! И ты со мной!

Люсьен. Рашель! Моя Рашель! Отчаянье меня гнало сюда, но верил я, но верил я!.. И все сбылось, и ты со мной! Не отпущу тебя! Рашель моя, навек моя!

Рашель. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Колокол мерно звонит. За сценой слышится нарастающий шум и обрывки Марсельезы:
«Вперед, сыны своей родной земли!..»

(Шантавуану.) О, как мне вас благодарить? Какие мне найти слова?

Рашель. О, смерть! Смерть! Ты меня не догнала!.. Они уходят, я жива!

Люсьен. Они уходят! Ты жива!

Шантавуан. Свободна бедная земля! Моя поработанная земля, свободна ты!

Рашель. О, верь мне, я его убила за то, что он нанес нам оскорбление! Я совершила преступление, но я ему за всех нас мстила!

Шантавуан. Покончил Эйрик путь земной, уходит он на суд иной. И ни его, ни вас, о, дочь моя, мы более не судим! Забудет ваше преступление мир, и мы его забудем! Забудем ночи той предсмертное томление и окровавленный ваш нож! Услышат небеса мое моление, простят убийство вам, меня простят за ложь! Вас любит этот человек. Покиньте прежний путь и будьте счастливы навек!

Ближе послышался шум толпы и обрывки Марсельезы: «Свободна родина моя...»

Открывая дверь, Шантавуан выходит наружу.

«Свободна родина моя!..»

Рашель. Свободен ты! Свободна я!

Люсьен. О, повтори эти слова! О, повтори в минуту счастья!

Рашель. О, солнце светлое, гори! Гони с земли моей ненастье! Над нами небо голубое! Люсьен, навеки я с тобой!

Люсьен. Рашель, навеки я с тобой!

Конец

26 марта 1939 г.

Краткие комментарии

В Отделе рукописей РГБ хранится автограф первой и второй редакции либретто для оперы (по новелле Г. де Мопассана «Мадемуазель Фифи»). Начал работу над либретто 23 сентября, закончил в декабре 1938 года. Над третьей редакцией либретто работал с 8 января по 26 марта 1939 г.

Публикуется расклейка либретто из книги: Булгаков М. А. Кабала святош. М., Современник, 1991, сверенная с машинописью третьей редакции с сокращениями, хранящейся в ОР РГБ, ф. 562, к. 16, ед. хр. 15.

Музыку оперы Большой театр поручил писать популярному в то время И. Дунаевскому, который в одном из интервью определил замысел как «гимн патриотизму народных масс, неугасимому и неукротимому народному духу и величию» (Ленинградская правда, 26 декабря 1938 года).

«Как драматическое произведение «Рашель» выстроена на развитии патриотической идеи, – писала Ю. В. Бабичева, – хотя и не совсем так, как обещал в интервью «Ленинградской правде» соавтор-композитор («гимн патриотизму народных масс»). Это психологическая драма, содержанием которой стало движение, развитие, апофеоз возвышающего и очищающего душу чувства любви к своему отечеству». В основу конфликта заложен своего рода парадокс: взрыв благородных чувств, вылившийся в

Рашель. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
благородный поступок, происходит в душе, казалось бы, совсем погашенной цинизмом профессии. Закономерность этого «парадокса» драматург-либреттист в отличие от новеллиста Мопассана тщательно обосновывает и предшествующей картиной в доме мадам Телье, и последующей сценой в доме Шантавуана. Здесь Рашель гневно обличает благородного аббата за бездействие и за колебания, которые он испытывает, сомневаясь, можно ли оказать помощь патриотке со столь безнравственным родом занятий. Она грозит священнику: «Они меня повесят! И я качнуся, как язык на колокольне, – ударю в медь и прокричу о том, что я – одна, ничтожное, порочное создание, одна вступилась за поруганную честь моей страны! Потом затихну, и вы увидите висящий неподвижно груз!...» (См.: межвузовский сборник научных трудов «Время и творческая индивидуальность писателя». Вологда, 1990, с. 102).

Исследователи творчества Булгакова относят «Рашель» к «самым совершенным оперным либретто» (Н. Шафер), «более других опытов Булгакова-либреттиста и законченна в своих жанровых формах», может рассматриваться «как существенное явление в истории отечественного оперного либретто» (Ю. В. Бабичева).

Но судьба и этого либретто М. А. Булгакова неутешительная: по переписке Булгакова и Дунаевского, по записям в дневнике Е. С. Булгаковой можно проследить творческую историю этого произведения.

23 сентября 1938 года М. А. Булгаков приступил к работе над «Рашелью», а накануне Яков Леонтьевич Леонтьев, замечательный и преданный друг последних лет, от имени Большого театра предложил М. А. делать либретто по «Мадемуазель Фифи» с Дунаевским: «...М. А. попросил достать из библиотеки Мопассана в подлиннике.» 25 сентября: «М. А. – за «фифи». 26 сентября: «Вечером – «фифи». Читал мне первую картину». 3 октября: «Днем М.А. рассказывал Самосуду в театре содержание «Рашели» («фифи»). Тому понравилось, но он сейчас же, по своему обыкновению, стал делать предложения каких-то изменений.

М. А. грустен, но ничего поделать нельзя. Приходится работать и подчиняться указаниям, делать исправления. Выхода никакого нет». 7 октября: «Вчера приехали: Яков Л., Дунаевский Исаак, еще – какой-то приятель его... Либретто «Рашели» им чрезвычайно понравилось. Дунаевский, вообще экспансивная натура, зажегся, играл, импровизировал польку, взяв за основу несколько тактов, которые М. А. выдумал в шутку, сочиняя слова польки. Дунаевский возбужденно говорил:

– Тут надо будет брать у Бизе, у Пуччини! Что-нибудь такое страстное, эмоциональное! Вот послушайте, это ария Рашели!

Тут же начинал делать парафразы из упомянутых композиторов, блестел глазам, вертелся, как вьюн, подпрыгивал на табуретке.

Рассказал – очень умело – несколько остроумных анекдотов. Объяснялся М. А. в любви. Словом, стояло полное веселье. Как вдруг Яков сказал мне отдельно, что Самосуд заявил:

– Булгаков поднял вещь до трагедии, ему нужен другой композитор!

Ну и предатель этот Самосуд. Продаст человека ни за грош. Это ему нипочем». 8 октября: «Дунаевский прислал громадную корзину цветов мне». 9 октября: «... подсел Самосуд, разговор был о «Рашели». Он стоит на своем: только Кабалевский может сделать эту музыку». 14 октября: «М. А. рассказывал содержание «Рашели». Мелику понравилось очень. Хотя тут же возник вопрос – как же показывать в опере кюре! Но если его заменят кем-нибудь другим – все пропадет. Будет нехудожественно, а сейчас так хорошо.

Дунаевский играл свои вальсы и песенки...»

22 декабря: «Миша прочитал Дунаевскому первую картину и часть второй. Дунаевский (потом) – после обеда – импровизировал – и очень в духе вещи.

Вообще (боюсь ужасно ошибиться!) Дунаевский производит на меня впечатление человека художественной складки, темпераментного, загорающегося и принципиального – а это много значит!

Он хотел, чтобы Миша просто отдал бы ему «Рашель», не связываясь с Большим. Но

Рашель. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Миша не может, он должен по своему контракту с Большим, сдать либретто в театр.

Решили, что Дунаевский будет говорить с Самосудом и твердо заявит, что делать «Рашель» будет он...» (с. 232)

А вот несколько фактов из переписки Булгакова и Дунаевского.

1 декабря 1938 года Булгаков писал Дунаевскому: «...Я отделяю «Рашель» и надеюсь, что на днях она будет готова. Очень хочется с Вами повидаться... И «Рашель», и я соскучились по Вас...» В ответ Дунаевский 4 декабря 1938 года сообщает: «...Я счастлив, что Вы подходите к концу работы, и не сомневаюсь, что дадите мне много подлинного вдохновения блестящей талантливостью Вашего либретто... Я днем и ночью думаю о нашей чудесной «Рашели». 18 января 1939 года Дунаевский писал Булгакову: «...Считаю первый акт нашей оперы с текстуальной и драматургической сторон шедевром. Надо и мне теперь подтягиваться к Вам. Я получил письмо Якова Леонтьевича – очень хорошее, и правильное письмо. Я умоляю Вас не обращать никакого внимания на мою кажущуюся незаинтересованность. Пусть отсутствие музыки не мешает Вашему прекрасному вдохновению. Дело в том, что я всегда долго собираюсь в творческий путь...»

Булгаков призывал Дунаевского ковать железо, пока горячо, писать, писать музыку, но Дунаевский почувствовал, что писать музыку на либретто Булгакова – это зря марать бумагу и «терять время».

Наконец 7 апреля 1939 года Булгаков написал Дунаевскому: «Посылаю при этом 4 и 5 картины «Рашели». Привет!»

А Е. С. Булгакова приписала в том же письме: «Миша мне поручил отправить Вам письмо, и я пользуюсь случаем, чтобы вложить мою записку. Неужели и «Рашель» будет лишней рукописью, погребенной в красной шифоньерке! Неужели и Вы будете очередной фигурой, исчезнувшей, как тень, из нашей жизни? У нас было уже много таких случаев. Но почему-то в Вас я поверила. Я ошиблась?» (Письма, с. 460–462).

В дневнике Е. С. Булгакова рассказывает о том, как еще в феврале 1939 года Булгаков и Дунаевский работали над оперой, в марте она перепечатала готовый текст и сдала в театр.

На этом творческая история «Рашели» завершилась.

В 1943 году композитор Глиэр и М. Алигер подготовили оперу, учитывая ее патриотическое звучание, ее разрешили к постановке. «К сожалению, никаких свидетельств того, что «Рашель» увидела свет, найти не удалось», – писал Н. Павловский (Театр, 1981, № 5).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://bulgakovmikhail.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!